

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 4-5 (232 233) 29 ЯНВАРЯ 1933 ГОДА. ЦЕНА 40 КОП.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

3. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельзинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усевич

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ЛЕНИН

О МОНОМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ

У нас сохранилось не так много прямых или косвенных указаний Ленина на роль искусства в социалистическом культурном строительстве и на практические шаги художественного порядка, которые могут быть в этом направлены.

Вот почему мне хочется напомнить о замечательной инициативе Ленина, оставшейся, если не ошибаюсь, в зиме 1918-19 годов и имевшей довольно широкие последствия в то время, но потом оставшейся, к сожалению, в стороне.

Я с тем большим удовольствием дедо это, потому что мы подходим к временим и условиям, при которых данная тогда Ленинами идея может быть вложена гораздо более широко и удачно, чем в те первые военные, голодные, холодные годы гражданской войны. Не помню уже, в какой точке день (по архивным материалам это, вероятно, не трудно установить) Владимир Ильин привез меня к себе. Я позволил себе передать здесь нашу беседу в живом диалоге, не рукаясь, конечно, за точность каждого слова, об этом и речь не может идти, но беря полную ответственность за общий ход разговора и смысла его.

«Анатолий Васильевич», — сказал мне Ленин, — у вас имеется, вероятно, малое количество художников, которые могут кое-что дать, и которые должны быть сильно бедствуют.

— Конечно, — сказал я, — и в Москве и в Ленинграде имеется немало таких художников.

— Дело идет, — продолжал Владимир Ильин, — о скульпторах и отчасти может быть, также о поэтах и писателях. Давно уже передо мною носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу. Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы золотые буквы. Пока мы сделали ряд надписей в разных местах. Кажется, некоторые из них

сохранились. Точно так же мы поставили несколько десятков памятников в Ленинграде и Москве, привлекая сюда и старых и молодых скульпторов.

Пусть все это будет временно. Пусть все это будет временно. Пусть все это будет временно.

Еще важнее надписи я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы.

Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которых хотят и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры.

Поэтому списку закажите скульптуры также временные, хотя бы из гипса или бетона произведения.

Важно, чтобы они были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза. Важно, чтобы они были сколько-нибудь устойчивы по отношению к нашему климату, не раскапывались бы, не искалечились бы от ветра, мороза и дождя. Конечно, от пьедесталов можно делать вразумительные краткие надписи о том, кто это был.

Обособленное внимание надо обращать и на открытие таких памятников. Тут и мы сами, и другие товарищи, может быть, и крупные специалисты могут быть привлечены для пронесения речей. Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленькой праздничной демонстрации.

Бакунин именем такого зреющего и вполне примлемого художника Королова, автора очень хорошего Желябова и Баумана т. д., в то время был на такой степени страшен, что многие говорили, будто бы даже лошади при виде его кидаются в сторону, хотя надо сказать, что Бакунин этот выглядел только из плохого сколоченного забора и открытый не был.

Таким образом, шло дело инициатора, ни вanco.

Лучше обстояло дело с открытием памятников. Я сам открыл помини, памятники Радищеву, Герцену, Чернышевскому. Многие другие авторитетные и партийные товарищи пришли участвовать в таких открытиях. Решено было также поставить памятник Марксу, но уже постоянный. Проект художника Алексина был одобрен Владимиром Ильичом после довольно обширного конкурса. Я не могу не пожалеть о том, что этот памятник, на мой взгляд более чем довдовиторийский и в гипсе совершиенно склонченные формулы, дающие оценку тому или другому величанию историческому событию. Пожалуйста, не думайте, что я при этом говорю о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы золотые буквы. Пока мы сделали ряд надписей в разных местах. Кажется, некоторые из них

были бы видеть взгляд живых, внимательных глаз Ильинчика, любовно смотрящих на Горького, нужно было слышать, как он с полуслова подхватывая мысли Алексея Максимовича, направляя ее в широкое русло принципиального обобщения и взлетом яркой мысли вскрывая до дна какую-либо вопрос, неизменно связывая практику с теорией. Все это делалось так просто, что никаких запутанностей и неясностей не оставалось.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Во время обсуждения вопроса о реорганизации Наркомпроса Владимир Ильин специально работал над книжно-издательскими вопросами и поместил большую статью в «Правде» о нашей работе в Центропечати, и после ее напечатания просил обязательно привлечь Алексея Максимовича к решению книжно-издательских вопросов.

В каждый свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы соответствовали социалистическому стилю культуры, я сейчас тоже не мечтаю. Это еще рановато, но вызвать к жизни вторую более прочную, более зрелую, более эффективную волну монументальной пропаганды мы, как мне кажется, могли бы уже теперь.

С каждым своим выступлением Горький для граммофона. При этом В. Ильин передал для Горького примерный список тем: об антисемитизме, об интеллигентии, науке и революции, о специалистах и несколько других тем из культурного цикла.

Всякий свой приезд Алексей Максимович неизменно ставил перед Ильинчом вопрос о сохранении и укреплении передовых научно-технических и литературно-художественных кадров. Из этих бесед возникла идея организации ЦЕКУБА, которую Владимир Ильин горячо поддерживал, а также идея нескольких организованных А. М. встреч крупнейших академиков с Владимиром Ильичом.

Очень внимательно освещалась в этой работе Владимир Ильин, как расхолода, с видами памятников, которые бы

Литературные образы на службе генеральной линии

Сравнения и метафоры ТОВ. СТАЛИНА

Делясь воспоминаниями о Ленине (на вечере кремлевских курсантов, январь 1924 года), т. Сталин отмечал ряд выдающихся черт особенности этого «нового вождя» новых масс, простых и обывковенных масс глубочайших «иззов» человечества. Непрелодимая сила логики, необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы «Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и так ясно, скажо и смело, когда каждая фраза не говорит, а стреляет».

Нетрудно заметить, что эти особенности, отмеченные у Ленина, в полной мере свойственны литератору творчеству лучшего продолжателя его дела — т. Сталину. Кому не известна четкость, ясность и простота, с какими излагаются Сталинными самыми сложные проблемы марксизма-ленинизма? Активизация вопросов соцстроительства дошли до сознания миллиардов благодаря сталинской ясности аргументации и непрелодимым си-ле логики, достойной «нового вождя новых масс». Боевая насыщенность «стремляется», сражает противника. Меткость разящего удара как учитель, так и его лучшего ученика достаточно испытана и испытывают все враги ленинизма, противники ленинской линии нашей партии. При этом т. Сталин (как и т. Ленин) мастерски владеет искусством «кубировать смеши», применяя к противникам соответствующие литературные образы, метафоры, сравнения. Вот несколько характерных примеров.

При зарождении великого плана ГОЭЛРО этот предвестник исторической пятилетки встретил большое сопротивление с разных сторон, в том числе и со стороны Троцкого. В связи с этим т. Сталин пишет: «Троцкий был фракционный меньшевизмом до вступления в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма после изгнания троцкистов из нашей партии. «Собака вернулась к своей бледотине». (См. «Об основах ленинизма», лекции читанные в Свердловском университете в 1924 году.)

Партия, осуществляя лозунг т. Сталина о ликвидации кулачества как класса, повела развернутое наступление на капиталистические элементы деревни, опираясь на бедность в союзе с серединкой. Охваченность троцкизма, «левые» загибушки вернулись остро против нашего союзника, против серединки. И вот разоблачая «леваков», ливших нас на мельницу правых оппортунистов, т. Сталин писал:

«Разве нам нужно всякое наступление, а не наступление на определенный класс в союзе с определенным классом? Дон-Кихот тоже воображает, что он наступает на врагов, идя в атаку на мельницу... однако известно, что он расшиб себе лоб на этом, с позором... Римский Дон-Кихот не дает спать наяву тем, кто наступает на врагов, идя в атаку на мельницу...»

Одно время единомышленники троцкистско-зиньевской оппозиции (немецкие «леваки» Рут Фишер и Маслов) подняли в (1927 году) большую шумиху в связи с отстранением их от руководства германской компартией, угрожая развалом партии и гибелью революции. Иностранные рабочие делегаты,

прибывшие на октябрьские торжества, в беседе с т. Сталином спросили об его отношении к этой оппозиционной группке. Тов. Сталин ответил убийственно для оппозиции сравнением с крайне комическим литературным персонажем: «Мое отношение к оппозиции и ее агентуре в Германии таково, что, каково отношение известного французского романиста Альфонса Доде к Тартарену из Тараскона. (Беседа оживлене среди делегатов.)

Высмеивая левакову «безлезьреволюционного» сочинительства и «революционного» плановщества, имеющую своим источником всу в силу декрета, могущего все устроить и все переделать», т. Сталин говорил:

«Один из русских писателей, И. Эренбург, изобразил в рассказе «Усомоком» (совершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью «большевика», который задался целью насобрасывать схему идеально усовершенствованного человека и... «употреблять в этой работе». В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнью — это несомненно... «Революционное» сопротивление противно и духу и духу подлинного ленинизма». (См. «Об основах ленинизма», лекции читанные в Свердловском университете в 1924 году.)

При переходе через реку будет разбито большое войско». Через какую реку, чье войско будет разбито, пойми, кто может». (Смех.) (Цит. по брошюре «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии», ГИЗ, 1927).

Подытожив исторический путь троцкизма с его перманентным «тушинским перелетанием», т. Сталин пишет: «Троцкий был фракционный меньшевизмом до вступления в нашу партию, он стал временно фракцией коммунизма после вступления троцкистов в нашу партию, он стал вновь фракцией меньшевизма... Но что же, если кое-кто из старых лидеров, превращающихся в хамлы, намерены выпасть из тележки, туда им и дорога!» (Бурные продолжительные аплодисменты). Тогда же, каково отношение известного французского романиста Альфонса Доде к Тартарену из Тараскона.

(Беседа оживлене среди делегатов.)

Силу этого смертоносного оружия почувствовали на себе и правые оппортунисты с их страхами перед трудностями, ставкой на саботек, узкободим делящимся, лишенным революционных перспектив. На апрельском 1929 г. пленуме ЦК, критикуя постоянную паническую растерянность группы Бухарина, т. Сталин привел картину, виденную им во время своей сибирской экспедиции: «Видели ли вы рыбаков перед бурей на большой реке про-де Енисея? Я их видел не раз. Был

взгляд, что одна группа рыбаков перед лицом кастуши бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, речь волн, наша волымя! Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чья бура, падают духом, начинают хихикать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, бури наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось какнибудь вынесет на берег». (Общий смех). Нужно ли еще доказывать, что установка и поведение группы т. Бухарина, как две капли воды, похожи на установку и поведение второй группы рыбаков, в панике отступающих перед трудностями?»

На XVI партсъезде т. Сталин метко сопоставил лидеров правой оппозиции с чехословакским персонажем, учителем греческого языка Беликовым: «Помните чехословака Беликова? «Человек в фугляре? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жакаре и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам крахом в стране, далекой от Франции. Легковерные друзья Тартарена возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах побывал на подножии Монблана. Тартарен хвастал и уверял всех, что он основал величайшую колонию в стране, далекой от Франции. Его легковерные друзья возвели его за это в звание первого в мире альпиниста. А между тем Альфонс Доде знал наверняка, что никакой Монблан Тартарен не видел никогда, ибо он всегда на ногах поб

с предисловием А. Виноградова

к книге Г. Сенкевича

Был в свое время в Польше знаменитый писатель Генрих Сенкевич. Он умер во время мировой войны кратической идеологию повстанческим образом, делом его, дела Шайбани, но дело его, дела Генриха и католика, врага всякой реакции и католика, врага всякого революционного движения, к Варшаве в 1860 г., вылившись враждебного буржуазии. Тогда же, в 1831 г., Генрих Сенкевич, как писатель, еще не совсем умер, но еще цепляется за жизнь, по крайней мере, в Польше. Там, при помощи его фальсифицирующих польскую историю романов, при помощи его ультраполитических, приспособленных буржуазно-дворянской морали повестей, еще продолжают отрывать мозги, заражая читателя польским великоледжевым шовинизмом, католицизмом, ненавистью к революции. Польский пролетариат, польская революционная интеллигенция хорошо знали этого писателя, с вливанием которого им приходилось постоянно бороться, которого революционное движение всегда находило в качестве врага на своем пути.

В 1905 году, когда польский пролетариат, протягивая руку восставшим русским пролетариату, германские дрались на баррикадах, штурмом твердыни самодержавия, когда польское крестьянство восстало против власти помещиков, — Генрих Сенкевич опубликовал письмо в газете «Русь» с декларацией верноподданнических чувств и с доносом самодержавию, что революция в Польше производят не поляки, а «чуждые элементы» (в просторечии «жиды и инородцы»).

В 1908 году, когда царское правительство спровоцировало кровавый баш, добавив подавленную революцию, когда знаменитые военно-польевые суды в Польше тысячами вынесли отмечали победу реакции, когда десятки тысяч отправлялись в тюрьмы и категории, чтобы там погибнуть от истязаний озверившихся тюремщиков, в это страшное время, когда в России Толстой закричал: «Не могу почтать», — в это время Генрих Сенкевич выпустил свою роман «Wiry» («Омут»), который был пасквилем на революцию, поданным оплевыванием вешающим, расстреливающим, замучивающим царских застенок революционеров.

Да. Польский пролетариат хорошо знает и помнит покойного писателя Генриха Сенкевича. Но, по-видимому, мы не будем подробно останавливаться на этих чудовищных извращениях, ибо они несомненно в их реакционности еще могли бы быть объяснены простой безграмотностью.

Но безграмотность нельзя объяснять фальсификацией творческого и политического лица Сенкевича, тех попыток затушевать его реакционность, которые произведены А. Виноградовым в его предисловии. Начинает А. Виноградов эту операцию довольно осторожно с признания, что «по внешности» Сенкевич был действительно консерватором. «По внешности», — пишет он, — как будто бы он был литератором народом, но, помимо этого, он был писателем краинского народа и права нации на самоопределение было реакционным романтизмом, бреднями, которые давные пора отбросить.

Но Виноградов сам чувствует, что вся эта путаница малоубедительна, и пытается поправить дело следующими странными приемами:

«Сенкевич, — пишет он, — не проглядел той среды, в которой возник замечательный политический кружок (!) польских пролетариев», той среды, в которой вспыхнула железная классовая война, основателя кружка (!) «Пролетариата», давшего целый ряд блестящих представителей польской социалистической молодежи, некоторые из них заслуживают имена: настоящий «смолодой человек революционной Польши» — Феликс Яковлевич Конь был учеником, другом и младшим товарищем Людвика Варнинского.

Все эти комплименты по адресу членов партии (а не «кружка») «Пролетариата и имену лично я с негодованием отмечу, ибо вся эта патетическая декламация имеет лишь одно назначение: если не прямым словами, то путем ассоциации создать у читателя впечатление, что ко всему этому Сенкевич имел какое-то, хотя бы косвенное, отношение, чего-то не проявлено, что-то где-то отразил.

И это не может не быть сознательной ложью, ибо, как было уже сказано, все отношения Сенкевича в революционной среде заключались в борьбе с нею, оплевыванием ее или в отвлечении масс от революции. Красивые, но, помимо этого, озверевшей, дикой и яркой массой, этот Сенкевич — «прекрасный знаток истории родной страны», «любитель подлинного», «правильного разобраться в творчестве писателя, определить социальную почву, на которой выросло его творчество, социальный смысл», социальные функции, показать, какие обективно познавательные элементы в нем заключаются и что следует отбросить как результат враждебного мировоззрения писателя, оказавшегося в прошлом.

А. Виноградов поступил как раз наоборот. В своем предисловии он сначала тщательно извратил все события польской истории, которых он вскорь коснулся и то прибавил им совершенно ложное освещение, а затем сделал все, что было в его силах, чтобы, смазав, затушевав революционную сущность Сенкевича как писателя и как политика, вызвать к нему доверие читателя и заставить его доверчиво проглотить не только роман, к которому написано предисловие, и который заключает в себе гибельность для поляка отступления от догм католицизма и традиционной буржуазно-шляхетской морали, но и все остальное творчество Сенкевича... и т. д.

Итак, католицизм, консерватизм, — внешность; Сенкевич, фальсифицировавший историю Польши, гиперализовавший в своих романах душевную украинскую культуру, краинский звезды, князя Иеремии Вишневецкого — под национального героя, благородного бора за идею, изображавший польскую крупнопоместную «красовую» шляхту носителями культуры, а разоревшими католицизмом и традиционной буржуазно-шляхетской морали, но и все остальное творчество Сенкевича.

Мы не будем долго останавливаться на ложном освещении, какое придает А. Виноградов историческим событиям, которым, кстати, он для этого пользуется, ведь любопытны. Он, например, пишет, что «шляхта» и «буржуазия», не разграниченная революционной земельной магнатами от тогдашней демократической мелкой шляхты, крупной буржуазии от мелкой и разночинной, не мелкопоместной повстанческой шляхты, а «шляхта вообще, только и дела-яется, потому что она стала весело. Счастье есть, двигаться, говорить, она сбивчиво рассказывала собственную историю и свою утреннюю мысли. — Ленин — основоположник марксизма.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презрение к себе, невероятно несамостоятельной. У нее от обиды захватило дух. Заносчиво, но неверным голосом девочка ответила:

— Я всегда говорю вещи, в которых я уверена.

Александр Андреич прервал ее: — Прежде чем сказать, люди думают А ты?

Бывали случаи, когда он глубоко обижал Таню, но сегодня она училась в его том особое, неизвестное, неизвестное презр

Творчество молодых

А. Фадеев

КНИГИ ГАЙДАРА

Еще и до сих пор на вопрос об отношениях к художественной литературе для подростков иные считают «хорошим тоном» отвечать: языки.

«Я не признаю специальной литературы для подростков: хорошая книга для взрослых хороша и для детей и подростков, несмотря на некоторые довольно существенные недостатки этих книг?

Во-первых, их органическая революционность. Гайдар — сам выходец из трудовых низов — приналежит к тому поколению молодежи, которое выросло на дрожжах пролетарской революции, содержание годных и для детей и для взрослых — во всей истории человечества можно насчитать, к сожалению, немного.

При этом забывают, что эти книги могли стать любимыми детскими книгами в результате их переделки применительно к детскому восприятию, а не в подлиннике.

Эксплоататорский строй в достаточной степени уложил, исказил и изуродовал отношения людей во всех областях их жизни, чтобы беспощадную правду изображения всего уродства, всей грязи и фальши эксплоататорского общества, правду изображения, которой достигли лучшие писатели прошлого времени и которой в еще большей степени должен достигнуть современный революционный писатель, — чтобы эту правду можно было преподнести подростку в том же виде, что и взрослому. С другой стороны, воспитать новые поколения борцов с капитализмом, строителей социалистического общества, воспитать новую социалистическую породу людей, без показа и объяснения не только нового, социалистического, но и тех общественных отношений, из которых и борьбе с которыми вырос социализм, — совершенно невозможно.

Вот почему необходимо говорить о специальной литературе для детей и юношества. Вот почему ко всему, что пишется в нашей стране для детей и юношества, должно быть привлечено особенно пристальное внимание пролетарской общественности. Вот почему склоняющееся с особенной силой в области детской и юношеской литературы отставание нашей критики — поразительное невнимание нашей критики к тому, что пишется для детей и юношества, — должно быть ликвидировано в кратчайшие сроки.

Известно, что у нас написано и добродушно напечатано издательствами немало плохих книг для детей. Но у нас появились и свои хорошие детские писатели.

Одним из таких своих хороших детских писателей является писатель А. Гайдар.

Гайдаром написаны: автобиографическая повесть «Школа» — для детей старшего возраста — и рассказы «Дальние страны», «Р. В. С.» и «Четвертый бинтаж» — для детей младшего и среднего возрастов. Книги эти встретили хорошую оценку со стороны самих

Вера Инбер

О женских стихах

Дом наш именуется «Домом писателей». И, действительно, коридоры его заселены плотной массой прозаиков, поэтов, критиков и редакторов с тонкой приспособкой из карикатуристов и драматургов. Здесь проживают лирики, романтики, эпосники, агитчики и представители социалистического реализма. Здесь скрываются творческие группировки (как прошлые, так и будущие).

Здесь, сквозь стены с отличной слышимостью, несет из квартир позеленевшие машины. И в дни писательских плenumов и конференций, после вечерних заседаний, когда лифт уже выключен, или вообще испорчен, на всех площадках обсуждается здесь вступительное или заключительное слово докладчика.

Сюда ежедневно в письмах — простых, заказных, спешных с маркой на ответ или без марки, а также в заказных бандеролях — доставляется продукция начинающих авторов. Сюда авторы звонят по телефону или приходят лично. И передко по нашему виду можно уже определить, кто именно из живущих их интересует: Багрицкий, Огурев или Шишниковский.

Я, как и все живущие в этом доме, получаю свою долю писем, звонков и посещений начинающих поэтов. Но то ли, талантливые начинаяющие обращаются не ко мне, то ли вообще их не так много, что продукция их не слишком радостна.

Это относится, главным образом, к женским стихам.

В нашей литературе за последние время наблюдалось полное оскудение по этой линии. Среди поэтов-дадаев нет ни одной женщины. В лирических их всегда было ничтожное количество. Создается впечатление, что после революции женщины перестали писать стихи.

Впрочем, они продолжают писать стихи довоенного времени. Дыхание Ахматовой веет и сейчас над женскими стихами, как и 15—20 лет назад. Пресловутое «узко личное» застолоняет для них широчайшие горизонты нашей поэзии. То, что удается молодым поэтам мужского рода (например, Смелкову) — сочетание «работы» и «любви», терпит здесь «современность».

Но внутренний мир детей — героями повести — дан им несколько упрощенно, и в момент, когда дети сталкиваются на отходе с борьбой за колхоз, степень понимания им происходящего получается неожиданно слишком высокой, грешит здесь против художественной правды.

Характерно, что это противоречие отражается и на стиле «Дальних стран».

Книга написана так, что все явления Гайдара пропускает через восприятие своих героев-детей, причем дети постепенно знакомятся со все более сложным кругом явлений. Это, конечно, хорошо. Но переход от более простых явлений к более сложным заставляет Гайдара менять стиль: вначале фраза проще, короче, язык наивней, доступен и для младшего возраста, а переход к более сложному содержит заставляет усложнить и языки, удлинив фразу, ввести более трудные термины и языки становятся доступными только уже для среднего возраста. Между тем, дети — герояи повести — на протяжении ее ни внешне, ни внутренне не взрослеют. В этом, несомненно, есть некоторое художественное противоречие.

Эти грехи ученичества, разумеется, не страшны для Гайдара, если при несомненной его талантливости и правильности избранного им пути он будет серьезно, упорно и организованно работать над собой.

Стыдно до краски, обидно до слез. Ходит по улицам пьяный матрос, Ходит, шатается, спать не идет, Машет руками да песни ведет.

Сам-то подтянутый, что на парад. Буквы на лбу говорят, что «Марат».

Набок фуражка, ленточка вбок, А на груди — комсомольский значок.

«Скорь, однако, от службы устав, Ты позывал про военные уставы,

Стыдно до краски, обидно до слез. Мне за тебя, комсомольский матрос!»

«Будет, сестренка, не взглядывай вкось, сестренка, недобрый брюс.

Призыва к тоскующим губам, —

ГДЕ НАШИ СТУЛЬЯ?

Письма из редакции

125-летие литературной деятельности А. Н. ТОЛСТОГО

О СЕБЕ

Нет ничего неприятнее, как говорить о самом себе. Сам себе никогда не нравится: может быть, это было первым толчком к тому, чтобы я стал писателем. Когда я входит моя книга, я передаю ее как чужую, — только тогда я ее как свою, то это плохо, — значит, в ней что-то не до конца выскреблено, мое «я» не до конца растворено в образах и идеях.

Рассказывать о самом себе трудно, потому что «я» не есть какая-то единица, а это — пусть никто на меня не обидится — очень трудный переход, и не все еще до сих пор освободились от детских очков гуманитарного мироощущения. Энгельсийский гуманист будет тщетно до тех пор, покуда у нас еще живет и тлеет «серый помещик». Во вторую пятницу, когда я почувствовал себя связанным всеми корнями с пролетариатом, — пришло уже без очков проделать сложный путь изучения, обивания в себе жизни в процессе подведения материальной базы под социализм.

Я стал участником строительства новой жизни на земле. Я вижу задачи эпохи. Мне ясны мои задачи. Факел пролетарского искусства должен освещать мир. Искусство, литература — это память эпохи.

Люди, события, дела проходят.

Время стирает все. Искусство берет быстрее текущий отрезок эпохи и создает из него нетленный кристалл. Это — культура. Из этих кристаллов строится великий дворец труда пролетариата. Материал для построек должен быть высшей доброкачественности.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

16 января.

САДИТЕСЬ!..

Человек остался без стула.

Это неприятное событие произошло 23 апреля... Отсюда начались метания и поиски пропавшей принадлежности для восседания в литературе.

Однако вскоре наступили годовиши пропавшего, а разыски успехов не увенчались. Совет изобретателей Можаровский «вздохнул с облегчением», оказавшись «в разбитом корыте». Факты со временем сблизят с тобой...

И как это навевалось его статья, не статьи предумышленные волны: «Где на-ши стулья?»

Чтобы помочь, надо прежде всего выяснить, как же случилось такое с Т. Можаровским, почему слушай? И немало важно также установить, был ли вообще стул.

Обратимся к истории болезни. В статье Т. Можаровского имеются достоверные данные для того, чтобы проследить ход событий. Том Можаровский естественно, РАПП, учился и писал по рапповским установкам, которые он сам называл «диалектико-материалистическим методом». «Но вспомнил конец как групповище, так и результаты деятельности ее. Теперь задача оргкомитета уничтожить и охвачь.

Хочется сказать о наступившем во-

время сегоднешнего дня, волнующем в однинаковой мере и мастихах, серединках, и начинающих писателей. Одни

о нем не пишут потому, что им нечего писать и они молчанием прикрывают свое неведение. Другие опасаются «на-

дательства» и тоже молчат.

Недавно Корней Чуковский поместил статью «Бекасинник». Мы все готовы стоять с ним рядом. Статья правильная, только не в этом смысле. С одним товарищем. Однако ему это же

М. Серебрянский и другие. Обищины его во всех семи тяжких грехах, даже в том, в чем он в писать не собирается. А с оном главном, в чем действительно следовало бы упрекнуть и К. Чуковского, М. Серебрянского и

беззаботности никого не обманывало.

Меня, как и других пишущих (нева-

зимо) из их ранга, стены дверито-

сти и принадлежности к группе) интересует метод социалистического реализма.

Мы знаем об этом методе только од-

но — что, пользуясь им, мы будем писать правду. Ну и еще, конечно, что метод социалистического реализма есть отра- жение общественного прогресса. Но как овладеть этим методом, как не- му пути заняться, в конце концов, мы не знаем. Писатель, владеющий ди- алектико-материалистическим методом, который приводит к овладению методом социалистического реализма, буд-

дет пугаться в трех соснах всей жизни. Я бывший рапповец. Род, учился и писал на тех установках, на тех ложных топканиях, которых меня снажала РАПП, и частично пытались овладеть ди- альтико-материалистическим методом.

Пожалуй, я им овладел. Может быть не в таком степени, чтобы состязаться теоретически с странами писателей с другим методом, тем методом, который со- вершенно правильно осужден как аб- страктно-холистический, этот писатель,

не зная правильных путей к овладению методом социалистического реализма, буд-

дет пугаться в трех соснах всей жизни.

Я бывший рапповец. Род, учился и писал на тех установках, на тех ложных топканиях, которых меня снажала РАПП, и частично пытались овладеть ди- альтико-материалистическим методом.

Пожалуй, я им овладел. Может быть не в таком степени, чтобы состязаться теоретически с странами писателей с другим методом, который со- вершенно правильно осужден как аб-

страктно-холистический, этот писатель,

не зная правильных путей к овладению методом социалистического реализма, буд-

дет пугаться в трех соснах всей жизни.

Я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

Меня родила РАПП, я вырос в ней. Я с пыльностью юности, верил и учился.

И теперь я — разбитого корыта. Мне, как и другим рапповцам, совсем не жаль того, что из-под нас убрали кирпичи.

А факты совершили сдвиг вперед.

Если произведение «Панфёров» я бы

— сидел и раппортировал эту формулу,

как расшифровывает любую алгебра-

ическую задачу, и сказать почему? Ес-

ть как это делалось зачастую в РАПП, как это делалось зачастую в Магнитогорске.

И я бы, как и другие, заставил

художественного человека, чтобы

он знал, что нужно писать завтра, знал,

что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы-

брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.

И я считаю своим долгом заявить, что РАПП, давая непрерывные установки, несет же как-то умеля нас мобилизовать, заставить работать по расставленным впереди вехам. Мы не погибли в эпоху, Каждый из нас знал, что нужно писать завтра, знал, что нужно сказать о вчерашнем. Лозунги вы- брасывались РАПП, волновали меня,

и я, как и другие, и заставляли лишние часы

просиживать за письменным столом, обдумывая пути пролетарской литературы, пути собственного творчества.